

Я отвечала на вопросы с почтительными поклонами, затем осведомилась о здоровье матушки и Ли Даня. Женщина-чиновник ответила, что всё хорошо, и подала деревянный ящичек, сказав, что матушка велела открыть его лишь наедине, а после вновь запечатать и вернуть. Ящичек был опечатан сургучом — вид нарочито секретный. Но, открыв, я увидела лишь выдержки из докладов времён отца, несколько десятков штук. Все они касались переписки между Палатой Луаньтай и Палатой Фэн-гэ по одному-единственному вопросу — обряду Фэншань.

Отец страстно желал совершить Фэншань, однако за всю жизнь преуспел лишь однажды — за несколько месяцев до моего рождения, на горе Тайшань.

До двенадцати лет я и помыслить не могла, что соприкоснусь с государственными делами, а к подобным «феодално-суеверным» жертвенным ритуалам относилась с презрением. После двенадцати постепенно поняла: за этими, казалось бы, суеверными церемониями кроется глубочайший смысл. Например, кто станет вторым жертвователем, или какие колосья матушка жалует сановникам, и какие благоприятные знамения она столь усердно восхваляет.

Порой вся легитимность правящей династии отражается в этих, на первый взгляд, пустых и казённых документах.

Но знать — одно дело. В эпоху, когда сведения скудны, многие книги, доклады, исторические записи либо являются уделом избранных, либо относятся к строжайшим тайнам и недоступны простым смертным, — даже мне, принцессе, множество сведений, которые я по праву должна была бы знать, пылились в Тайном павильоне всего в десяти ли отсюда, оставаясь недостижимыми.

Пока матушка не прислала этот ящичек. В нём — вся ключевая переписка о том самом, единственном Фэншань, совершённом до моего появления на свет.

Примечание автора: Благодарю SOY за ручную гранату!

В эпоху Тан книги в основном переписывались от руки. Более того, старые доклады, исторические хроники (включая историю прежних династий) были недоступны для всех и каждого. Поэтому опытные чиновники ценились чрезвычайно: если ты не участвовал в событии сам и не слышал рассказов от деда, родни или друзей, разобраться в тонкостях процедуры было почти невозможно. Оттого культурные традиции, придворный этикет, знание бюрократических устоев, передаваемые по семейной линии, имели огромное значение. Многие знатные кланы поколениями специализировались на изучении всего одного классического канона — и этого хватало, чтобы сохранять статус учителей и авторитетов.

Я вновь поселилась в своём доме.

Теперь свою усадьбу я охотнее называла домом, нежели дворцом.

Чжэн Бо заседал в Министерстве церемоний, «хозяина» в доме не было, но всё выглядело упорядоченно: Лю Хоудэ с двумя подчинёнными и десятком мелких служащих встретили меня у главных ворот, а Сун Фою и Фэн Шилян вывели навстречу обитателей внутренних покоев, слуг, пажей, евнухов и тех, кто ведал докладами, наказаниями и наградами.

Трое выстроились в ряд. Лю Хоудэ первым кратко отрапортовал о заучивании домашних правил и подготовке к моему прибытию. Затем Сун Фою и Фэн Шилян поочерёдно изложили свои обязанности: во-первых, перечислили тех, кого следовало поощрить или наказать в моё отсутствие, с указанием причин; во-вторых, описали общий порядок и текущую ситуацию в своих сферах; в-третьих, представили рекомендованных ими людей с приложенными

послужными списками. В завершение Лю Хоудэ в общих чертах доложил о поступлениях от аренды, полях, усадебных землях, жалованье и прочем. Мне в голову пришла прихоть: велела ему составить на весь год «предварительную смету» доходов и расходов дома, чтобы в конце года подвести итоги. Полагала, это нечто новое, но он ответил, что в правительстве так делают ежегодно, и порекомендовал нескольких искусных в вычислениях бухгалтеров. К моему возвращению первая годовая смета уже была готова — толстенный том, подробный до каждой монеты. Кроме того, всё имущество и слуги дома уже были внесены в реестры, скопированные в трёх экземплярах: один для Приказа Цзунчжэн, один для меня и один для бухгалтерии.

Я пролистала свой экземпляр: глаза разбегались от «Лю Старшего», «Сюэ Второго», «госпожи Пэй», «госпожи Лю» — по одним именам не разберёшь, кто есть кто. Зато возраст, семейное положение, происхождение, умения, местожительство и обязанности были расписаны чётко, с запасом места для ежегодных отметок — минимум на десять лет вперёд.

Лоянская усадьба с виду невелика, но народу в ней — человек двести-триста. Добавьте к тому имущество, связи с соседями и роднёй, визиты соискателей с рекомендательными письмами и визитками, а также документы из областной и уездной администраций — на разбор всего этого ушёл целый день. И лишь закончив, я поняла, что за весь день не поела. Поспешно велела подать им фруктовый сок:

— Заторопилась, забыла, что вы целый день здесь торчите. Уже поздно, давайте поужинаем вместе.

Лю Хоудэ тут же с улыбкой согласился. Сун и Фэн, видя его реакцию, тоже не стали отказываться. Я приказала кухне приготовить угощение, велела позвать музыкантов и танцовщиц для увеселения. Две служанки из Силла — одна искусно играла на пипе, другая выделявала коленца в танце, — и два карлика-шутника тоже явились.

Сун и Фэн слегка стеснялись занять гостевые места, но я сказала:

— Вы немало потрудились, один пир в вашу честь — сущая безделица.

И усадила их.

Едва зазвучали первые аккорды пипы, у входа доложили: «Вернулся муж принцессы». Чжэн Бо уже подходил к порогу, ещё издали смеясь:

— Слышал, Эрнян пир заката. Не скажешь, каких гостей удостоила?

Увидев Суну и Фэна, он опешил, а заметив Лю Хоудэ, и вовсе помрачнел.

Я знала, чем это вызвано. Сегодня, принимая доклады, я велела убрать разделяющие занавесы — их до сих пор не вернули. За нашим столом мужчины, женщины и евнухи сидели вперемешку, да ещё с музыкой и танцами — полное пренебрежение приличиями. Но объяснять я не собиралась. Лишь улыбнулась:

— Муж вернулся. Прошу, садись.

Служанки уже поспешно ставили для него место рядом со мной. Чжэн Бо, хоть и недовольный, сел, как велели.

Пир в компании слуг и так не предполагал лёгкости, а угрюмость Чжэн Бо натянутость лишь усугубила.

К счастью, Лю Хоудэ то и дело ввертал шутки, рассказывал забавные случаи из чиновничьей жизни, а Фэн Шилиян ему подыгрывал — так и досидели до ночи. Когда Лю Хоудэ собрался домой, пир закончился. Я удалилась во внутренние покои переодеться и умыться. Выйдя, вспомнила о докладах, что велела просмотреть матушка, накинула халат, уселась на лежанку, поджав ноги, и погрузилась в раздумья.

Чжэн Бо тоже совершил омовение, но вместо того чтобы отправиться в отведённый ему двор, направился ко мне. Служанки попытались преградить ему путь у дверей — он фыркнул и громко крикнул:

— Эрнян!

Его оклик вернул меня к действительности. Я удивлённо обернулась и увидела, что он уже протолкнулся мимо служанок и, пылая гневом, подошёл вплотную.

— Эрнян, что всё это значит? Если мы муж и жена, то что это за обращение? А если нет — зачем тогда выпрашивала для меня должность?

Я инстинктивно запахла халат плотнее. Это, кажется, лишь распалило его. Он шагнул вперёд, наклонился, упёрся руками в лежанку и уставился на меня в упор:

— Если принцесса не желает быть моей женой, это легко: завтра же подам прошение о разводе. Если же ещё желает — прошу хоть немного считаться с честью семьи Чжэн.

По правде сказать, я испугалась. Всё-таки мужчина, стоит так близко, а служанки жмутся у дверей, не решаясь войти. Но виду не подавала, лишь улыбнулась и заговорила мягко:

— Чжэн-лан, не горячись. Я давно собиралась с тобой это обсудить, да всё матушка вызывала ко двору, то одно, то другое — вот и откладывалось. Присаживайся.

Он фыркнул, но сел напротив. Служанки воспользовались моментом, чтобы вопросительно на меня взглянуть. Я покачала головой, велела подать ему чашу чаю и закрыть дверь. Когда в комнате остались только мы двое, я пожалела, что не оставила у дверей кого-нибудь из преданных слуг. Но поздно. Улыбнулась и сказала:

— Сегодняшнее — моя оплошность. Обсуждала домашние дела с господином Лю, госпожой Сун и А-Фэном, не заметила, как заставила их простоять целый день. Решила воздать угощением, а не нарочно устраивала смешанное застолье. Да и во дворце на пирах занавески обычно не вешают, вот я и не придавала значения.

Лицо Чжэн Бо немного просветлело. Он сказал сдержанно:

— Дворец — это дворец, а внешний мир — внешний мир. Умоляю тебя, Эрнян, больше так не делай.

Я не ответила, лишь взяла чашку, слегка повертела в руках.

— Чжу Мяозэр... Я уже передала дело в уезд Лоян. Всю её семью отправляют в ссылку в Цзинчжоу.

Чжэн Бо нахмурился:

— Ты из-за того, что я соержу наложницу, специально устроила смешанный пир — в

отместку?

Такого вопроса я не ожидала. Я-то думала, Чжу Мяоэр была с ним несколько месяцев, он по десять дней кряду у неё жил — какие-никакие, а чувства должны были возникнуть. А он, узнав о ссылке всей её семьи, лишь это спросил. Помолчав, я осторожно произнесла:

— Ты... не сердишься на меня?

<http://bllate.org/book/16278/1467186>